

ДИКАЯ ВЕДЬМА

Читайте в серии:

ИСПЫТАНИЕ ОГНЁМ

ПОСЛАНИЕ СОКОЛА

МЕСТЬ КИМЕРЫ

МАГИЯ КРОВИ

ВЗГЛЯД ВОРОНА

ОБЕЩАНИЕ ВЕДЬМЫ

ДИКАЯ ВЕДЬМА

ВЗГЛЯД ВОРОНА

ЛИНЕ
КОБЕРБЁЛЬ

#эксмодетство

Москва
2019

УДК 821.113.4-312.9-053.6
ББК 84(4Дан)-44
К55

Lene Kaaberbøl

Vildheks vol. 5: Fjendeblood

© Lene Kaaberbøl, Copenhagen 2013

Published by agreement with Copenhagen Literary Agency ApS,
Copenhagen

Кобербёлъ, Лине.

К55 Взгляд ворона / Лине Кобербёлъ ; [пер. с дат.
Е. Красновой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 208 с. —
(Дикая ведьма).

ISBN 978-5-699-91082-3

Кларе всего тринадцать, и она оказалась в ситуации, когда родители просто не в силах ей помочь. А тётя Иса, могущественная дикая ведьма, учившая девочку колдовству, теперь сама нуждается в помощи. Обычный подросток мог бы испугаться или отчаяться – но Клара так поступить не может, ведь от её действий (или бездействия) зависит очень многое. Ей нужно вернуть украденного воронёнка, ещё не вылупившегося из яйца. Это последняя оставшаяся в живых птица воронова котла. Птица, необычные способности которой помогут Кларе расколдовать тётю Ису...

Пятая книга серии «Дикая ведьма».

УДК 821.113.4-312.9-053.6
ББК 84(4Дан)-44

© Краснова Е., перевод на русский язык,
2017

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-699-91082-3

Застывшее время

-4 то ты сделала с моим отцом?

В дверях стояла Кахла. Я не услышала, как она вошла, но ничего удивительного в этом не было. Ведь я крепко заснула на диване в гостиной — как медведь в берлоге, — укрывшись старым шерстяным одеялом тёти Исы и положив на живот посапывающего Котёнка. За окнами стояла крошечная тьма — похоже, уже наступила глубокая ночь.

Удивительно, что Тупик не залаял. Обычно он начинал подпрыгивать от радости, стоило только кому-то из его любимчиков приблизиться к дому, но сейчас он в растерянности замер посреди комнаты. Похоже, его, как и меня, застали врасплох.

«Мама, вероятно, ещё не вернулась», — подумала я. Но если ей надо доехать до улицы Меркурия, отвезти домой Оскара, потом собрать какие-то вещи, чтобы провести неделю здесь, в доме тёти

Исы, как она мне обещала... и ещё папу должны выписать из больницы. Да, на всё это нужно время, это уж точно.

Кахла промокла до нитки, и вообще она выглядела как-то странно. Никаких тёплых пальто, толстых ярких шарфов и шерстяных шапок — как обычно. На ней был скромный чёрный плащ, ничего на голове — разумеется, за исключением волос. Волосы Кахлы были угольно-чёрными, блестящими и густыми — а сейчас ещё и мокрыми.

— Там что, дождь идёт? — задала я дурацкий вопрос. Наверное, я ещё не совсем проснулась.

— Отец, — повторила она, и в голосе её слышались раздражение и холод. — Где он? Что с ним?

Тут я окончательно пришла в себя. Как же мне объяснить Кахле, что мастер Милаконда лежит неподвижно, словно статуя, в огромном вестибюле Вестмарка, и точно так же лежат тётя Иса, фру Померанец, Шаная и господин Малкин? Весь колдовской круг моей тётки Исы, дикой ведьмы. Все они лежат там, и непонятно, живы они или нет.

— Понимаешь... всё не так просто, — сказала я.

Кахла и так-то уже казалась бледной, несмотря на свой загар. Теперь она побледнела ещё больше.

— Что случилось? — воскликнула она. — Ну говори же!

И мне пришлось ей всё рассказать. О беспощадной борьбе в гроте, где Бравита Кровавая освободи-

лась от четырёхсотлетнего заточения и попыталась вернуться к жизни, использовав меня.

— Она хотела сожрать меня, — сказала я осторожно, — чтобы во мне ничего больше не осталось от Клары, чтобы самой поселиться в моём теле. Кот и тётя Иса попытались остановить её, но у них не хватило сил. И тут... тут я позвала на помощь. Как меня учил господин Малкин: *Adiuvate*. И они пришли, все пришли, весь колдовской круг тёти Исы. Все вместе они смогли остановить Бравиту, но... потом... они... не умерли, то есть нет, думаю, что не умерли, но они как-то... окоченели. И... и... это никак не проходит.

— Где они? — прошептала Кахла.

— В Вестмарке.

Она подошла ко мне вплотную:

— Отведи меня туда.

Мне стало даже как-то страшно. Вообще-то я хорошо знала, что временами она может становиться угрюмой и агрессивной, и это вовсе не означает, что она хочет превратить тебя в какое-то бородавчатое, скользкое и жабоподобное существо, но... становилось как-то неуютно, когда она смотрел на меня так, как сейчас.

«Но ты же только что рассказала ей, что её отца, может быть, уже нет в живых, — убеждала я себя. — Или ты ожидала, что в ответ она улыбнётся и скажет: ну ладно, ничего страшного?»

— Сейчас? — спросила я, прекрасно понимая, что звучит это почти так же глупо и неуместно, как и мой вопрос про дождь.

— Да. Сейчас!

Она протянула руку, словно собираясь силой поднять меня на ноги. Тут Котёнок внезапно очнулся и перестал быть маленьким, почти незаметным комочком под пледом. Он вытянулся во весь рост — думаю, сантиметров на двадцать — и злобно зашипел на Кахлу.

Кахла отдернула руку.

— Это ещё что такое? — удивилась она.

— Это Котёнок, — объяснила я.

— Я не слепая, вижу, что котёнок, но что он тут делает?.. — Она замолчала и внимательно посмотрела на Котёнка и на меня.

— Где Кот? — неожиданно спросила она.

Я почувствовала такую страшную тоску, что слова никак не выговаривались.

— Он... больше не придёт, — прошептала я.

— И вместо него ты завела этого уродца?

— Он не... Да, он ещё не вырос, но...

Кахла покачала головой:

— Мне наплевать. Лишь бы этот заморыш не мешал нам. Пошли!

Котёнок широко зевнул и зашипел, на этот раз почти беззвучно. Было ясно, что у них с Кахлой никакой любви с первого шипения не случилось.

Я прижала его к себе, вставая с постели. Очень не хотелось, чтобы он на неё напал — ему это точно даром не пройдёт.

— Вы куда? — позёвывая спросила Никто со своей жёрдочки у плиты.

— В Вестмарк, — ответила Кахла. — Хочу видеть отца!

Мастер Милаконда лежал на спине, глядя в потолок. Он казался очень суровым: чёрные брови были насуплены и почти сошлись на переносице — правда, в гроте он выглядел точно так же. Никаких изменений не произошло. Никто из них, включая тётю Ису, не сдвинулся ни на миллиметр с тех пор, как мы с Оскаром их оставили.

Теперь, когда в этом зале стояло пять кроватей, он уже не казался таким огромным. «Прямо как в больничной палате, — подумала я, но тут же не могло не возникнуть и другое сравнение: — Или как в склепе».

Кахла то ли вскрикнула, то ли заплакала. Она бросилась на колени у кровати мастера Милаконды и схватила его руку. Но тут же отпустила её.

— Он же как лёд! — сказала она. — Почему вы не догадались его хорошенько согреть?

Я попробовала объяснить ей, что мы пытались, что согревали их одеялами, разожгли огонь в камине, принесли грелки и всякое такое.

— Всё без толку, — сказала я. — Ничего не помогает.

Кахла не слушала меня. Она снова схватила руку отца, и зазвучала дикая песня — громкая, резкая и обжигающая, почти как пощёчина. Моё сердце забилося быстрее, и я с надеждой взгляделась в его лицо — вдруг что-нибудь изменится, вдруг он шевельнётся, всё что угодно, лишь бы не эта ужасная неподвижность. Но ничего не менялось, только Кахла чем дальше, тем больше уставала. Тем не менее она продолжала петь, наверное, почти целый час, пока не сорвала голос и не ослабела настолько, что мне пришлось поднимать её на ноги, когда она в конце концов замолчала.

— Не действует, — пробормотала она хрипло. — Почему песня не действует?

— Не знаю, — ответила я. — Не понимаю, почему так...

Ноги у неё подкосились, и мне пришлось отвести её на кухню и усадить на стул. Озабоченная Никто порхнула вслед за нами, бесконечно причитая «Ой-ой-ой, ой-ой-ой!».

Над кухонным столом из стены торчал крюк. Никто случайно взглянула на него, и её пёрышки встопорщились. На этом крюке когда-то висела клетка, и именно в этой клетке я впервые и увидела её. Несчастное, сопливое, чумазое существо, которое не в состоянии было выполнять требования

своей создательницы. Её посадили в клетку только потому, что Кимеру раздражало, что Никто повсюду следует за ней. Никто не знала тогда, что значат слова «друг» и «свобода». Только сейчас она начинает потихоньку это понимать, и ей наверняка не очень-то приятно снова здесь оказаться. Хотя через несколько минут пёрышки и улеглись, вид у неё тем не менее был ещё более встревоженный, чем обычно. И, как оказалось, тревожилась она не только за себя.

— Почему они совсем не двигаются? — спросила она. — Иса... она... её глаза застыли. Думаешь, ей больно?

— Не знаю, — сказала я. — А ты знаешь? Что с ними случилось?

Я так надеялась, что у Кахлы есть ответ. Она-то действительно настоящая дикая ведьма — не то что я.

Но Кахла лишь покачала головой.

— Я никогда прежде такого не видела, — сказала она. — Они... как будто застыли. Может быть, это как-то связано со временем.

— Каким образом?

— Отец говорил когда-то, что если ты совершаешь что-то действительно важное и великое, используешь какую-то мощную магию, то это как-то влияет на время. Будто бы оно начинает идти медленнее или даже останавливается на пару секунд.

Я вспомнила те несколько раз, когда мне довелось присутствовать при чём-то «важном и великом». Действительно, возникало ощущение, что время останавливается — всё словно прокручивается перед глазами в замедленном темпе.

Если Кахла права, означает ли это, что жизнь в этих неподвижных телах просто приостановилась? Что они застыли в одной секунде, между двумя ударами сердца, между двумя вдохами? В каком-то смысле, так думать было немного легче, во всяком случае не так страшно, как представлять себе, что они находятся в полном сознании — несмотря на остекленевшие глаза и неподвижные мышцы.

— Как тогда заставить время снова пойти? — спросила я.

Кахла сурово посмотрела на меня:

— Ты что, думаешь, я бы этого не сделала, если бы знала как? Да я даже не уверена, что это как-то связано со временем. Просто догадки.

— И что нам тогда делать? Как ты думаешь, может, вороновы матери помогут?

Кахла поставила локти на стол и подпёрла голову руками. Послышался какой-то звук, она то ли вздохнула, то ли присвистнула, потом откинула назад волосы. Мне они показались какими-то удивительно волнистыми и непокорными.

— Нужно спросить их, — сказала она.

Но никакого особого оптимизма в её голосе слышно не было.

Я подумала о Тупике, Звёздочке и козах, которые остались дома одни. Во всяком случае, до приезда мамы.

— Я только отправлю эсэмэску, — сказала я, — напомним маме покормить животных. Давай, Кахла, пошли. Вороновы матери знают, что делать!

Я подумала о Туе, первой среди вороновых матерей. Она была одной из самых опытных диких ведьм.

Кахла встала. Лицо её было суровым и решительным.

— Держи крепче этого кошачьего, — посоветовала она. — Если мы хотим чего-то добиться, нам надо спешить, и у меня нет времени, чтобы носиться по туманам диких троп и искать его, если он сбежит.

Я уже собиралась возразить, сказать, что Котёнок не из тех, кто может вот так взять и убежать, но вовремя остановилась. Откуда мне было знать, на что на самом деле способен Котёнок? На всякий случай я засунула его под куртку и застегнула верхнюю пуговицу.

Позднее окажется, что я поступила очень мудро...

Вороновый ураган

Тяжёлый серый туман, окружающий нас со всех сторон, казался плотным, влажным... и почти тёплым. Липким. Дикие тропы всегда опасны, здесь легко могут заблудиться и опытные дикие ведьмы. А у нас опыта было мало. Даже у Кахлы, хотя она гораздо лучше меня знала все тайны дикого мира.

— Далеко ещё? — спросила я.

Мне казалось, мы идём уже целую вечность. Котёнок сонно мяукнул и вытянул переднюю лапу, но потом опять свернулся клубочком под моим свитером.

— Не знаю... — прошептала Кахла. — Кажется, что-то изменилось. Как будто что-то... не так.

— Мы что, заблудились? — пискнула Никто, сидящая в рюкзаке.

— Нет, — сказала Кахла. — Мы уже совсем рядом с Вороновым котлом. Просто кажется, что туманы диких троп... не хотят пропускать нас.

Да. Именно так и было! Именно поэтому казалось, что мы идём уже сотню лет. Казалось, мы бредём по воде. Или даже не по воде, а по какому-то более плотному веществу, по какому-то маслу, что ли. По тёплому липкому маслу. Чувствовалось давление. В ушах, в висках, в носу и во рту. У меня заболела голова — это была самая настоящая предгрозовая головная боль. Казалось, содержимое черепа там уже больше не помещается. Но на диких тропях никогда не бывает гроз. Здесь всегда только туман...

Или всё-таки не только?

Ветерок приподнял мои мокрые волосы и слегка охладил шею. Едва я успела порадоваться приятному ощущению, как сообразила, что такого здесь быть не может.

— Тут же вообще-то никогда не бывает ветра... — заметила я.

Внезапно за спиной послышалось что-то вроде раскатов грома, и ветер усилился. Я обернулась. В лицо мне ударил обжигающе горячий воздух, а окружающий нас туман из серого превратился в чёрный.

— Держись! — крикнула я Никто и ухватилась обеими руками за плечо Кахлы.

Мне не удалось устоять на ногах. Ветер оторвал меня от земли и поднял вверх, меня закрутило в воздухе, как листок в ненастный осенний день,